
СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.И. Ниманов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 1, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются условия содержания иностранных военнопленных в России во время Первой мировой войны. Автор показывает, с какими трудностями сталкивались иностранные военнопленные, рассматривает причины высокой смертности военнопленных и неоднозначного отношения со стороны властей к военнопленным, имеющим славянское происхождение, и военнопленным других национальностей.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, иностранные военнопленные, условия содержания, высокая смертность, враждебное отношение властей.

В конце XIX — начале XX в. система международных отношений вступила в полосу кризиса и перестала отвечать экономическим тенденциям того времени, к власти в европейских государствах, недовольных мировым распределением ресурсов и территорий, приходят шовинистически настроенные политики. Все это послужило разделению Европы на два противоборствующих лагеря, результатом взаимоотношений между которыми и явилась Первая мировая война.

Она, захватывая все новые и новые государства, превратилась в крупнейший мировой конфликт, распространившийся на все великие державы мира. 38 государств с населением свыше 1,5 млрд человек вынуждены были мобилизовать все экономические и трудовые ресурсы. Первая мировая война повергла человечество в пучину невиданных ранее лишений и страданий, голода и разорения. На фронтах войны за 1914—1918 гг. было убито 9,5 млн и ранено 20 млн чел., из которых 3,5 млн остались калеками (1).

Кроме огромных прямых и санитарных потерь участники Первой мировой войны несли потери в виде военнопленных. И в данной войне эти потери превысили все допустимые ранее масштабы. Миллионы солдат оказались в плену и содержались в очень тяжелых условиях. Только в лагерях России и Германии содержалось 6 млн пленных (2).

Мировая война впервые так резко обозначила проблему военного плена. Ведущие державы, участвовавшие в войне, оказались не готовы к принятию и размещению на своих территориях огромной массы военнопленных.

В России, как в других государствах, принимавших участие в войне, военнопленные сталкивались с различного рода трудностями, начиная от размещения и заканчивая эпидемиями различных болезней.

Осматривавшие лагеря военнопленных в России осенью 1915 и зимой 1916 г. Тормейер и Феррьер, представители Женевского Международного комитета Красного Креста, отмечали: «Внутри России военнопленные первоначально водворялись в казармах, освобождавшихся в следствие перевода войск на театр военных действий. Затем стали приспособлять для размещения военнопленных различ-

ные здания (Столыпинский Институт в Самаре и т.п.). Когда же приток военнопленных сделался значительным, для них стали устраивать специальные лагерные помещения.

Обычно лагеря военнопленных устраивались по барачной системе. Бараки имели в среднем около 20 сажен в длину, 6 сажен в ширину и 2 сажени в высоту и были рассчитаны на 250—300 военнопленных. В некоторых местах помещения для военнопленных устраивались и в виде землянок, мало пригодных для жилья в сырую погоду. Внутри барачков устанавливались сплошные двухэтажные (а иногда и трехэтажные) нары вдоль стен с широким проходом посередине барака. Места для лежания на нарах ничем не разделялись, но фактически обычно каждому военнопленному отводилась площадь шириной около одного аршина.

Никаких постельных принадлежностей пленным не полагалось» (3).

По этому поводу швейцарские делегаты Тормейер и Феррер отмечали следующее: «Русский солдат спит на жестком. Пленные часто жаловались на этот суровый обычай, к которому они с трудом привыкли. В этом деле были испробованы разнообразные улучшения. В некоторых лагерях дали солому. Через несколько дней этот материал, обламываясь и стираясь, обращался в пыль, которая, проникая в рот и нос спящих, делалась очагом заболеваний. Часть соломы, падая на пол, образовывала на нем все увеличивающийся слой подстилки, при котором не достигла цели никакая чистка помещения.

На койку люди ложатся одетые. Имеющие верхнее платье покрываются им; не имеющие обходятся без прикрытия. Вопрос об одеялах один из тех, которые вызывали наиболее жалоб. Его обсуждали, но не пришли ни к какому результату. Русскому солдату одеяла не дается. Он укрывается ночью своей шинелью. Правительство не считает себя обязанным доставлять военнопленным то, чего не полагается в его собственных войсках. И все-таки в этих-то одеялах всего более нуждаются пленные» (4). Вопрос со снабжением военнопленных одеялами и другими спальными принадлежностями был актуальным во многих пунктах постоянного содержания. В Симбирске многие пленные жаловались комиссии, посетившей их, на недостаток белья и особенно спального, главным образом, одеял (5).

Аналогичное положение было во многих лагерях Российской империи. В начале июня 1916 г. член Особого комитета помощи военнопленным Батюшков посетил лагерь военнопленных в г. Ардатове Симбирской губернии. В своем отчете он отмечал: «42 человека офицеров содержатся в 2-этажном доме. Слишком тесен для такого количества офицеров. Вентиляция недостаточна, а со времени побега 2-х офицеров запрещено открывать окна» (6).

На станции Балашейка МКЖД 40 чел. военнопленных были помещены в очень тесном помещении с одним окном, спали на двухэтажных нарах и на полу под нарами, пища готовилась в одном небольшом котле, на всех не хватало. К чаю сахару или чего-то другого не выдавалось, чашек, ложек и столов не имелось. Военнопленные предъявляли претензии о недостатке пищи, обмундировании и помещения. Среди военнопленных были агрономы, юристы, учителя, студенты, охотники, один артист и чиновники банков, все чехи (7).

В январе 1916 г. российское правительство, отвечая на ноту американского посольства, признавало: «Что касается указания на переполнение мест водворения пленных офицеров, то в размещении пленных офицеров действительно в некоторых лагерях может наблюдаться переполнение. Такое переполнение, однако, является лишь временным явлением» (8).

12 августа 1916 г. в город Симбирск прибыла делегация в составе: статского советника А.С. Романовского, представителя от Дании В.Л. Штейна, германской сестры милосердия Э. Фон-Пассов и представителя от штаба Казанского военного округа прапорщика Б.А. Ритчера для осмотра германских и австрийских военнопленных. За время пребывания в Симбирске делегация осмотрела военнопленных в ряде мест. В доме Волкова, где помещалось 12 чел., обслуживающих городские фонари, было замечено, что нижние чины не имеют спального белья, почему делегация передала деньги в городскую управу на покупку одеял (9). В городском доме, где помещались 66 чел., обслуживающих городской водопровод и городские улицы, было замечено отсутствие рукомыльников (10). При посещении 92-го эвакуационного военного госпиталя делегация обратила внимание на то, что заразные больные не отделены от прочих больных, госпиталь переполнен больными и имеет деревянные полы (11). При посещении офицеров и нижних чинов карцер оказался очень тесным, в котором, по словам делегатов, можно только стоять и сидеть (12).

Условия проживания военнопленных не везде были одинаковы. В ряде случаев для них предоставлялись довольно просторные здания. Так, летом 1915 г. новое здание Буинского приходского училища было отведено под постой 23 военнопленных офицеров (13).

Лагерь обслуживались самими военнопленными. В Симбирском лагере в мае-июне 1918 г. состояло от 1330 до 1720 военнопленных. Для удовлетворения потребностей военнопленных из их числа в качестве пекарей работали 26 чел., кашеваров — 6, жарщик кофе — 1. 22 чел. обслуживали обоз и еще 17 чел. работали разнорабочими (14). В зависимости от должности военнопленные получали жалование от 20 до 40 руб.

24 июня 1916 г. вышел приказ командующего Казанским военным округом № 753 «Правила содержания военнопленных нижних чинов в пунктах водворения округа», состоящий из 10 разделов и 148 статей.

В правилах предлагалось строгое разделение военнопленных по национальностям. Первая группа — славяне, вторая — немцы, венгры, турки, евреи. Славяне должны были содержаться в лучших условиях. По числу военнопленных полагались соломенные матрацы. Одно отхожее место на 25 чел. Все надписи и списки на русском языке. Военнопленные нижних чинов должны гулять под строгой охраной. В город выходить было запрещено. Не менее 2-х раз в месяц пленным положена была баня. Никакие общения военнопленных нижних чинов и офицеров не допускалось. Подарки и деньги — 50 руб. или 100 марок офицерам и до 10 руб. или 20 марок нижним чинам. Для поддержания чистоты в казармах на 300 чел. предлагалось тратить более $\frac{1}{2}$ коп. и менее 1 коп. на человека в месяц (15).

В целях облегчения положения военнопленных славян 30 октября 1914 г. было создано Всероссийское попечительство о пленных славянах. Впоследствии во многих городах России, в том числе и в Поволжье, были открыты его отделения. Выступая на открытии 23 января 1915 г. Саратовского отдела попечительства, уполномоченный Петроградского Совета Всероссийского попечительства А.Н. Вольский говорил: «Учрежденное 30 октября прошлого года в Петрограде Всероссийское попечительство о пленных славянах призвано служить как этой цели (матерински пригреть их и заставить понять, что несмотря на зимнюю стужу и холод, в России тепло, ибо к ним относятся радушно и сердечно), так и великим нашим идеалам славянства. Мы не должны забывать ни на одну минуту, что славяне наши друзья из вражеского лагеря» (16).

На местах также стремились для военнопленных славянской национальности создать облегченные условия содержания. «В отношении пленных славян оказываются всевозможные льготы. В последнее время на улицах города встречаются свободно прогуливающиеся пленные офицеры австрийской армии. Отношение населения к пленным спокойное, корректное» (17).

В октябре 1915 г. Симбирский губернатор с целью исправить ситуацию в плане улучшения содержания военнопленных славянской национальности издал циркулярное распоряжение с предложением принять все необходимые меры к полному отделению находящихся на работах военнопленных славян от венгров и немцев (18).

Отдельные столовые устраивались не во всех лагерях. Во многих лагерях военнопленные получали пищу в бараках и потребляли ее, сидя на нарах, что, естественно, загрязняло помещения.

Положение здоровых военнопленных было в отдельных лагерях катастрофическим, но положение больных в эпидемических бараках было еще хуже. В Тоцком лагере пищу пленные приносили из кухни. Они сами отправлялись за ней, и каждый приносил порцию для себя и четырех товарищей в одном сосуде. Больной, остающийся среди здоровых, мог всегда с уверенностью рассчитывать на то, что получит свой паек от одного из своих товарищей. В бараках для больных такой уверенности не было. Там никто не следил за тем, чтобы больные регулярно питались. «Эти бараки считаются убежищем смерти, некому заботиться о попавших туда, и повторяется сплошь и рядом, что больные, истощенные болезнью, умирают от голода. Бывает, что 2—3 дня они не получают совершенно пищи и готовы руки целовать за кусок черного хлеба. Кроме того, в бараках для здоровых, имея деньги, он может получить сверх своего пайка что-нибудь съедобное, в бараках для больных у него этой возможности нет» (19). При этом эпидемические бараки не отапливались, что создавало дополнительные трудности их обитателям. Среди военнопленных часты были случаи заболеваний воспалением легких, плевритом, бронхитом и другими формами заболеваний дыхательных путей. Только с декабря 1915 г. в Тоцком лагере начали разделять больных по заболеваниям.

Смертность в Тоцком лагере была крайне высокой. «Приблизительно можно сказать, что до конца октября 1915 г. умирало средним числом ежедневно

по 80 человек и, таким образом, с апреля до конца октября, т.е. за 7 месяцев, умерло около 6000 человек. Что же касается трех месяцев: ноября и декабря 1915 г. и января 1916 г., то среднее число смертных случаев поднялось до 120 ежедневно, так что число умерших за эти месяцы составляет 11 000, а всего вместе было 17 000 случаев смерти. Число это на первый взгляд кажется нам невероятным и не имеющим объяснения, если даже примем во внимание, что почти все пленные подвергаются сыпному тифу, и что процент смертности представляет 40. Сначала мы сказали, что в Тоцком поместили около 17 000 здоровых пленников, а если из этого числа умерло — 17 000, то, собственно, в Тоцком не должно быть ни одного пленного. Однако там еще находится до 10 000 здоровых и больных. Как объяснить это противоречие? Если верить слухам, то объяснение этой загадки не менее страшно, чем все то, что мы до сих пор слышали о Тоцком. Молва гласит, что еще до ноября 1915 г. направляли в Тоцкое свежие транспорты пленников, приговоренных, таким образом, к смерти, как их предшественники. С уходом Туберозова условия в Тоцком несколько изменились к лучшему. Выстроили 16 лазаретов по 50 коек в каждом, поставили в них печи, устроили ванную комнату, клозеты, ввели некоторую чистоту в палатах, а больные (возможно, что и здоровые) получили смену белья» (20).

В августе 1917 г. Временное правительство вынуждено было провести специальное расследование причин и последствий эпидемии тифа в Тоцком лагере. Открылись некоторые обстоятельства этой трагедии. Комиссия установила, что столь длительная эпидемия (почти год) стала возможной из-за крайне неудовлетворительных санитарных условий, недостатка питания и одежды, перегруженности бараков. За год в лагере умерло почти 8 тыс. чел. Министерство иностранных дел с тревогой писало в Главное управление генерального штаба о том, что в свидетельствах о смерти военнопленных «в подавляющем большинстве случаев отмечается брюшной и сыпной тиф». Подобное медицинское заключение могло вызвать международный скандал по поводу несоблюдения санитарных норм. В связи с этим начальник Генерального штаба еще 3 сентября 1915 г. отдал распоряжение, чтобы впредь в свидетельствах «приводились причины смерти без указания на тиф, а просто на желудочные заболевания с обозначением их колитом и энтеритом» (21). Лишь категорический протест рядовых русских врачей, приложивших героические усилия для ликвидации эпидемии, заставил военное ведомство в феврале 1916 г. отменить это распоряжение.

Такое положение дел было не только в Тоцком, но и в других лагерях для военнопленных. Из-за переполненности бараков в некоторых пунктах постоянного водворения военнопленных они страдали от насекомых: «Нет ничего труднее, как уничтожить насекомых в бараках, раз они в нем заведутся. Пленные от них очень страдают. И в этом отношении особенно достойны сожаления те, которые у себя дома привыкли к образцовой чистоте. То, что для большинства является лишь неудобством, неприятностью, обращается в настоящую пытку для только что указанного меньшинства» (22). Из-за скученности, во время эпидемий, смертность среди военнопленных поднималась на очень высокий уровень. И. Шнейдер в своей статье отмечал, что в годы войны от эпидемий полностью вымерло 52 лагеря (23).

Сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской Социалистической революции» приводит сведения, что в 1915 г. эпидемии вспыхнули в сорока лагерях, в 1916 г. — в двадцати пяти, а в 1917 г. — в тридцати трех (24). Зимой 1916 г. только в Ардатовском лагере от эпидемий погибло 200 человек из 600 (25).

Нередко эпидемии возникали по вине лагерного начальства. Симбирский губернатор вынужден был доложить о злоупотреблениях Ардатовского воинского уездного начальника полковника Вицинского по отношению к размещенным в Ардатове военнопленным, так как среди них развился сыпной тиф, перешедший и на население Ардатова. «Прибывшие осенью 1915 г. военнопленные были оборваны, некоторые были без шинелей в лаптях, без портянок. При прибытии пленный был делопроизводитель Воинского Начальника, и пленные обратились к нему с просьбой, чтобы им готовили обед, говоря: «Мы вторые сутки ничего не ели». Делопроизводитель ответил им, что о прибытии их не был осведомлен, почему для них не был приготовлен обед. Военнопленные размещались в Ардатове в школах, во время сильных морозов были без шинелей и у некоторых даже одеял не было, и они ходили в лаптях на босу ногу, пищу выдавали половинную часть... Некоторые конвойные обращаются с пленными хуже чем с собакой, бьют их прикладами, и если к пленным приставлен снисходительный конвой, то Воинский Начальник убирает его. В виду голода пленные по ночам просят конвойных выйти из помещения и ходить по городу просить милостыню, и их отпускали, и пленные ходили по городу и собирали по городским жителям. Бывали случаи, что пленные приходили в некоторые дворы и из помойной ямы выбирали картофельную скорлупу и ели, и сосали от мяса грязные кости. Кроме того, прибывшие в октябре 1915 г. в сильные морозы были помещены в нежилой амбар купца Шмелева. Не имея обогрева, пленные как дети ревели от холода, не давая ночью покоя ближайшим жителям» (26).

Помещения Управления Воинского начальника, где квартировалась часть нижних чинов военнопленных, до того имели жалкий вид, «что пленные падали с нар и вшей было до того так много, что ими был усыпан весь пол и нары отчего и получилась зараза сыпным тифом» (27). Эпидемия сыпного и брюшного тифа в Ардатове среди военнопленных и местных жителей усиливалась. Больные были размещены в центре города около базара. Были закрыты мужская и женская гимназии, городское и высшее начальное училища. Среди жителей города началась паника (28).

Несмотря на тяжелую эпидемиологическую обстановку, Ардатовский воинский уездный начальник Вицинский использовал военнопленных в своих корыстных целях. Несколько австрийских пленными делали для его нового дома оконные рамы, шкафы, двери и мебель и выкрасили два его дома снаружи и внутри, и за все лето за эту работу он заплатил пленным по 9 коп. каждому на чай, а в выкрашенные дома поместил 90 пленными офицеров и с каждого офицера брал за квартиру по 12 руб. в месяц и высчитывал из получаемого ими жалования за дрова и освещение (29). Член особого комитета помощи военнопленным Ба-

тюшков писал в своем отчете, что бывший уездный воинский начальник «построил при помощи военнопленных двухэтажный домик в 8 комнат и 2 кухни и этот же дом предоставил под помещение военнопленным офицерам, получая с каждого 3 руб. в месяц, т.е. 120 руб. — цена, которой в этом городе не существует даже за большой барский дом» (30).

Многие пункты постоянного содержания военнопленных в Поволжье в начале 1916 г. были охвачены различными эпидемиями. Штаб Казанского военного округа вынужден был отметить, что острозаразные заболевания распространены были в этот период не только в Ардатове, но и в Саранске, Симбирске, Яранске (31).

Карантин в Саранске и Ардатове был отменен 15 марта, и только после этого военнопленных разрешили отпускать на сельскохозяйственные работы (32). В Яранске карантин отменили лишь 30 марта (33).

Первое обращение Симбирского губернатора не возымело действия, и А.С. Ключарев вынужден был обратиться вторично по поводу «печальной картины содержания Ардатовским воинским начальником военнопленных и появления среди них и населения сыпного тифа. Сыпной тиф занесен в Алатырский, Ардтовский, Буинский уезды. Среди пленных, присылаемых из Алатыря в Буинск, 1 больной натуральной оспой и 2 брюшным тифом, что указывает на отправку этой партии без предохранительных прививок. Истинное положение дел в местах водворения военнопленных служит постоянной угрозой санитарному благополучию населения» (34).

Газета «Pester Lloyd» в 1916 г. поместила статью об отношении российских чиновников к военнопленным: «Семьсот пленных турок были забыты в поезде, который вез их в Пензу. До прихода в Пензу этот поезд находился двенадцать дней, и никто не позаботился об этих семистах пленных. В Пензе семьсот трупов отравляли воздух, но вагоны не открывали, пока не пришло разрешение из Петрограда. Когда их открыли, пришлось убрать семьсот уже разложившихся трупов. Итак, семьсот человек погибли вследствие забывчивости русского чиновника. В этом сказывается вся беспросветная русская система» (35).

Преодоление огромных российских просторов было одним из наиболее страшных испытаний для иностранных пленных, многие из которых не выдерживали этих переездов. В феврале 1917 г. за время следования эшелона с военнопленными из Петрограда до Сызрани 19 чел. умерло, 140 чел., заболевших сыпным тифом, было снято по дороге. Один из пленных, не выдержав напряжения, бросился под поезд. Уже в Сызрани тифом заболело еще 12 чел. (36).

Всего за годы войны, согласно официальной статистике, в российском плену умерло по различным причинам 51 608 военнопленных, или 2,63% от общего количества (37). В то же время эти показатели значительно ниже, чем аналогичные, касающиеся русских военнопленных в немецком плену, соответственно 285 000, или 7,91% (38).

Такое отношение к военнопленным являлось нарушением международных норм, требующих человеколюбивого обращения с лицами, попавшими в плен, и отношения к ним как к обезоруженному противнику. Во многих местах посто-

янного размещения военнопленных в Поволжье они были подвергнуты не только постоянному окарауливанию, но и нередко заключению на длительные сроки. Тем самым свобода военнопленных подвергалась излишним стеснениям, что также запрещалось международными правилами.

Итак, в целом по стране военнопленные находились в разных условиях. В некоторых пунктах постоянного водворения обеспечивалось хорошее содержание, соответствующее международному гуманитарному праву, но основная масса военнопленных находилась в тяжелом положении. Особенности войны вынуждали российские и местные власти идти на нарушение принципов Гаагских конвенций в вопросах довольствия, условий содержания пленных и применения их труда в народном хозяйстве. К тому же затянувшийся характер Первой мировой войны стимулировал жестокое обращение со стороны военных и гражданских властей по отношению к военнопленным.

Кроме того, часто вспыхивающие в местах содержания военнопленных эпидемии, плохое медицинское обслуживание (фактическое его отсутствие), огромные расстояния и суровость российского климата, с точки зрения европейцев, способствовали росту смертности среди военнопленных.

Все это становилось причинами выступлений, вспыхивающих в местах содержания военнопленных, а в дальнейшем и активной ролью военнопленных в революционных событиях.

Главное же заключалось в том, что Первая мировая война, по своим масштабам превосходившая все предшествующие военные конфликты, изменила сам характер военного плена. Статус военнопленных фактически был пересмотрен, теперь они являлись не просто обезоруженным противником, но, призванные восполнить образовавшийся дефицит рабочей силы, они принудительно включались в экономическую деятельность страны-противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) История первой мировой войны. 1914—1918. — М., 1975. — Т. 2. — С. 544.
- (2) Там же. — С. 544.
- (3) *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918. — М., 1920. — С. 288—289.
- (4) Там же. — С. 289.
- (5) ГАУО. — Ф. 76. — Оп. 7. — Д. 1469. — Л. 32 об.
- (6) АВПРИ. — Ф. 160. — Д. 360. — Л. 3.
- (7) ГАУО. — Ф. 856. — Оп. 1. — Д. 1025. — Л. 183.
- (8) АВПРИ. — Ф. 160. — Оп. 708. — Д. 2797. — Л. 14.
- (9) ГАУО. — Ф. 76. — Оп. 7. — Д. 1469. — Л. 32.
- (10) Там же.
- (11) Там же. — Л. 32 об.
- (12) ГАУО. — Ф. 76. — Оп. 7. — Д. 1469. — Л. 32.
- (13) РГВИА. — Ф. 1720. — Оп. 2. — Д. 162. — Л. 116.
- (14) ГАУО. — Ф. Р-3080. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 6.
- (15) ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 4. — Д. 4051. — Л. 554—560.
- (16) АВПРИ. — Ф. 135. — Оп. 474. — Д. 373/221. — Л. 34.

- (17) Волжские вести. — 1915. — 11 января.
- (18) Волжские вести. — 1915. — 21 октября.
- (19) *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне... — М., 1920. — С. 296.
- (20) Там же. — С. 298—299.
- (21) *Клеванский А.* Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.). — С. 28.
- (22) *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне... — М., 1920. — С. 290.
- (23) *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России в 1915—1919 гг. // Борьба классов. — М., 1935. — № 3. — С. 56.
- (24) Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской Социалистической революции. — М., 1959. — С. 22.
- (25) АВПРИ. — Ф. 160. — Оп. 708. — Д. 360. — Л. 3.
- (26) ГАУО. — Ф. 856. — Оп. 1. — Д. 1325. — Л. 22.
- (27) Там же.
- (28) ГАУО. — Ф. 855. — Оп. 1. — Д. 1271. — Л. 209.
- (29) Там же.
- (30) АВПРИ. — Ф. 160. — Оп. 708. — Д. 3006. — Л. 5—6.
- (31) РГВИА. — Ф. 1720. — Оп. 2. — Д. 185. — Л. 78.
- (32) Там же. — Л. 83.
- (33) Там же. — Л. 201.
- (34) Там же. — Л. 340, 348.
- (35) Pester Lloyd. 1916. 7 мая.
- (36) РГВИА. — Ф. 1720. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 82.
- (37) Россия в мировой войне (1914—1918 гг.) в цифрах. — М., 1925. — С. 41.
- (38) Население России в XX веке: в 3-х т. — М., 2000. — Т. 1. — С. 78—79.

MAINTENANCE OF FOREIGN PRISONERS OF WAR IN TERRITORY OF RUSSIA WITHIN THE FIRST WORLD WAR

B.I. Nimanov

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/1, Moscow, Russia, 117198

In clause it is analyzed conditions of the maintenance of foreign prisoners of war in Russia during the First world war. The author has shown with what difficulties the reasons of high death rate of prisoners of war and the ambiguous attitude from authorities to prisoners of war, having slavic an origin and prisoners of war other nationalities collided foreign prisoners of war, got in Russia.

Key words: Russia, First World War, foreign prisoners of war, conditions of the maintenance, high death rate, ambiguous attitude from authorities.